

въ февралѣ будущаго 1862 г.,—но оно объясняется опасеніемъ редакціи утратить капитальную вещь, приобретенную ею. Съ ней это случалось—вспомнимъ о „Фаустѣ“ того же Тургенева. Исполняя предписаніе, я въ два дня проглотилъ романъ, который мнѣ показался грандіознымъ созданіемъ, какимъ онъ дѣйствительно и былъ. Помню, что меня поразила одна особенность въ характерѣ Базарова: онъ относится съ такимъ же холоднымъ презрѣніемъ къ собственному своему, искреннему чувству, какъ къ идеямъ и обществу, между которыми живетъ. Эта монотонность, прямолинейность отрицанія мѣшаетъ въ него взглядѣться и распознать его психическую основу. Кажется, я тотчасъ же и передалъ это замѣчаніе автору романа, но въ общемъ извѣстїи о полученіи отзыва моего не видно, чтобы онъ далъ ему какую-либо цѣну. То же самое было почти и со всѣми другими отзывами: Тургеневъ былъ доволенъ романомъ и не принималъ въ соображеніе замѣчаній, которыя могли бы измѣнить фізіономію лицъ или разстроить планъ романа. Между тѣмъ, при отъѣздѣ изъ Москвы онъ оставилъ еще у Маслова, для передачи мнѣ, записочку, въ которой поручаетъ взять обратно у Каткова согласіе, данное имъ на раздѣленіе и напечатаніе его труда въ 2-хъ или 3-хъ частяхъ. „Я скорѣе соглашусь,—говорилъ Тургеневъ,—чтобы онъ напечаталъ мою вещь въ нынѣшнемъ году, съ обѣщаніемъ выдать ее отдѣльной книжкой новымъ подписчикамъ. Вообще поручаю себя и свое дѣтище вамъ въ совершенное распоряженіе“.

Необходимость личнаго объясненія съ г. Катковымъ была очевидна. Въ одно утро я собрался и явился у его дверей. М. Н. Катковъ принялъ меня очень добродушно, но рѣчь его была сдержана. Онъ не восхищался романомъ, а напротивъ, съ первыхъ же словъ замѣтилъ: „какъ не стыдно Тургеневу было спустить флагъ передъ радикаломъ и отдать ему честь, какъ передъ заслуженнымъ воиномъ“. — Но, М. Н., — возражалъ я, — этого не видно въ романѣ, Базаровъ возбуждаетъ тамъ ужасъ и отвращеніе. „Это правда, — отвѣчалъ онъ, — но въ ужасъ и отвращеніе можетъ рядиться и затаенное благоволеніе, а опытный глазъ узнаетъ птицу въ этой формѣ“... — Неужели вы думаете, М. Н., — воскликнулъ я, — что Тургеневъ способенъ унизиться до апопеезы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?.. „Я этого не говорилъ, — отвѣчалъ г. Катковъ, горячо и видимо одушевляясь, — а выходитъ похоже на то. Подумайте только, молодецъ этотъ, Базаровъ, господствуетъ безусловно надо всѣми и нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ никакого дѣльнаго отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, вѣнецъ, корону-